

Антонова Елена Леонидовна

АВТОРСКИЙ "ТЕКСТ" КАК "ИНСТРУМЕНТ" УПРАВЛЕНИЯ СОЦИУМОМ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

В качестве постановки проблемы автор рассматривает авторский текст как форму передачи информации в "письменной" городской среде. Особое внимание уделяется осмыслению "исторической роли" фольклора и направленности авторского текста на "индивидуальный" уровень восприятия. Являясь механизмом целенаправленного формирования общественного мнения, авторский текст выступает "инструментом" управления социумом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 13-15. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 008

Культурология

В качестве постановки проблемы автор рассматривает авторский текст как форму передачи информации в «письменной» городской среде. Особое внимание уделяется осмыслению «исторической роли» фольклора и направленности авторского текста на «индивидуальный» уровень восприятия. Являясь механизмом целенаправленного формирования общественного мнения, авторский текст выступает «инструментом» управления социумом.

Ключевые слова и фразы: «письменная» городская среда; письменный авторский текст; индивидуальный уровень восприятия; формирование общественного мнения; управление социумом.

Елена Леонидовна Антонова*Кафедра теории и истории культуры**Белгородский государственный институт искусств и культуры**E-pi-fan@yandex.ru*

**АВТОРСКИЙ «ТЕКСТ» КАК «ИНСТРУМЕНТ»
УПРАВЛЕНИЯ СОЦИУМОМ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ[©]**

Если сделать обобщенную оценку социально-культурных моделей деревни и города, то можно убедиться, что используя «семантику» деревенской культуры как архетип, город по-своему корректирует образ мира, создавая иные культурный ландшафт, метафизику места и ценностные ориентации. Но так как первой органически была свойственна «интравертность», а второму – «экстравертность», то в городской среде формируется «экстравертный» индивид, ориентированный вовне, стремящийся реализовать себя в отношениях с внешним миром, где ищется критерий оценки степени достижения самореализации, а в деревенской – «интравертная» «коллективная личность», обращенная к общим идеалам, целям и ценностям.

Поскольку «иное» города связывалось, прежде всего, с утратой коллективного начала в его неоднородной социокультурной среде, то исторически в «городе» преобладали *«инструментальные»* ценности («ориентация на индивидуальную независимость и личный успех» [1, с. 38]), а в «коллективистской» культуре деревни – *«коммуникативные»* («ориентация на ближайшее окружение и общие цели» [Там же]). Не удивительно поэтому, что форма передачи информации в «письменной» городской (авторский «текст») и в «неписьменной» деревенской среде (коллективный фольклорный «текст»), направленность информации на «индивидуальный» или «коллективный» уровни восприятия играют важнейшую роль для перманентного «самовоспроизводства» (деревенская среда) или «саморазрушения» как «развития» (городская среда) этих типов культуры.

В отличие от авторского – «индивидуального» – «текста», обращенного к субъективному Я, коллективный «текст» фольклора был ориентирован на «коллективное восприятие», что способствовало перманентному «самосохранению» культуры деревни. Именно по этой причине последняя в ретроспективе представляла собой специфический образец устойчивой самоорганизующейся системы, разворачивающейся в себе и остающейся идентичной себе даже в периоды радикальных социокультурных трансформаций в культуре города.

В этой связи представляет интерес осмысление «исторической роли» фольклора в культуре. Так, в неписьменной – «фольклорной» – среде «главным поставщиком разнообразия служи[л] фольклорный слой, непрерывно *омолаживающий старые и продуцирующий новые* значимые элементы (для культуры повседневности¹ – Е. А.) из *материала первичной жизненной реальности*» [5, с. 35]. Последний наполнял собой тот исторически ранний *«субстрат» культуры*, который был унаследован «городом» от «деревни», формировавшим иной культурный ландшафт, иные метафизику места и ценностные ориентации. В этой связи обращает на себя внимание интереснейший вывод Э. Дюркгейма о том, что городские общества были только первое время богаты фольклором, в частности – пословицами и поговорками. Но поскольку в разобщенном городском социуме оставалось все меньше *коллективных представлений*, достаточно определенных, чтобы замкнуться в конкретную «фольклорную формулу», то с течением времени в городских обществах новые пословицы не только не создаются, но и старые постепенно «изживаются»: либо утрачивают свое подлинное значение, либо «в конце концов, перестают вовсе пониматься» [4, с. 163] и выводятся из культурного оборота.

Последнее имеет серьезные последствия для города: отрыв от культурных корней и традиций. Утрата «корней и традиций», которая наблюдается, например, в «бесфольклорном» западном обществе, оторванном от *«первичной жизненной реальности»* как *«должного сущего»*, превращает любые попытки

[©] Антонова Е. Л., 2012

¹ Показательно, что хоть *выбор конституирующих элементов* культуры повседневности *детерминирован типом культуры*, – ее структурные составляющие *не обязательно* осознаются индивидами, а тем более – целенаправленно воспроизводятся ими [8].

конструировать *«потребное будущее»* в «погружение» в *«виртуальную реальность»*¹. Наверное, поэтому в культуре современного Запада «дефицит» традиционного фольклора частично компенсирует жанр «фэнтези», круто замешанный на мифологии народов мира, частично – «научная» фантастика (см., например, Р. Бредбери), в «центре» «текстов» которых оказывается не человек, как в фольклоре, а магия или техносфера, по-своему контролирующая человека. Конструируемая таким образом «виртуальная реальность» подпитывается не коллективными фольклорными, связанными с повседневной реальностью и смысложизненными потребностями людей, а «индивидуальными» – авторскими – «текстами», либо целенаправленно дезориентирующими, либо целенаправленно же подготавливающими разобщенный городской социум к «развертывани[ю] социальных химерических утопий» [7, с. 12] и «фантазий», периодически рождающихся в лоне «виртуального» культурного пространства «города». В этом смысле авторский «текст» выступает «инструментом» управления социумом.

Здесь на первый план выходит проблема «усвоения» авторского – письменного и неписьменного – «текста» в информационном пространстве городской среды. Будучи «индивидуальным», авторский «текст» априори рассчитан исключительно на «индивидуальный» уровень восприятия и легко интериоризируется «ангажированным» сознанием городских индивидов. Как результат, личностные идеи и цели, личностные ценностно-мировоззренческие ориентиры и личностные «коды», априори заложенные в авторские «тексты», попадают на уровень общественного сознания только в преломлении через субъективное восприятие индивидов, принадлежащих разным этническим и социальным группам, что и обеспечивает «культурному» пространству городской среды «плюрализм мнений». Формируемое таким образом «общественное мнение», так или иначе, оказывает влияние на «тезаурус», опосредованно «воздействующий» на «диссипативные структуры, потенциально возникающие в недрах» [2, с. 6] культуры города, нарушая хрупкий полисоциальный и поликультурный «баланс», что придает ее неустойчивой саморазвивающейся системе «хаотические черты» [Там же]. Такое состояние трактуется некоторыми западными теоретиками как *«необходимое условие упорядоченного существования»*.

Между тем, любое «нарушение баланса» означает «разбалансирование» механизма обмена «веществом, энергией и информацией» [Там же] в «самоорганизующейся» системе культуры города, что равносильно «разбалансированию» социальных процессов, периодически переходящих в состояние социального хаоса – в кризис «переходности», изменяющие «вектор» развития культуры. В нынешний транзитивный – переходный и переломный – исторический период в качестве «инструмента» «нарушения баланса» как «социальную технологию» используют «плюрализм мнений», якобы выражающий «общественное мнение». Целенаправленно формируемый авторскими «текстами»², он позволяет эффективно управлять массами. Парадоксально, но здесь, как и в традиционной «неписьменной» народной среде, на первый план выходит «вербальность» («архаика»), которая в «письменном» информационном пространстве города («модерн») способствует усвоению транслируемой информации, оказывая опосредованное воздействие на его неустойчивую, самоорганизующуюся систему. Такое «опосредованное воздействие» «вербальности» (выступления, собрания, митинги) нейтрализует работу «детектора», контролирующего «внутреннее взаимодействие элементов социальной системы» [Там же, с. 8], что создает «управляемый хаос», провоцирующий «бифуркации». Разбалансирование работы «детектора» обеспечивает «сбой работы» «селектора» – механизма «естественного отбора», обеспечивающего городской культуре «максималь[ую] устойчивость[ь] по отношению к возможным действиям со стороны... среды» [1, с. 15]. И это объяснимо: изменения в общественном сознании, направленном, например, на смену социальной системы, неминуемо требуют нового «детектора» и «селектора», иначе неустойчивая саморегулирующаяся система «городской среды» входит в режим «бифуркации» – в кризисы переходности (в том числе, «бархатные» – «небархатные» «перевороты-революции»), изменяющие вектор развития культуры/цивилизации запуская процесс «иерархизации» и «деиерархизации».

Поскольку наибольший «хаос» создают *«идеологии», выдающие частный интерес за общезначимый*, то становится понятно, почему в эпохи социокультурных трансформаций во всей полноте используется «скрытый потенциал» субъектной формы рациональности, находящей выход в письменных авторских «текстах». Будучи «заточенной» на «отбор» наиболее «злободневных» индивидуальных мнений, впечатлений, ощущений и т.п., якобы на «борьбу» с «архаикой», наряду с «литературой», вовлекается художественная, «научная», «политическая» критика и др. типы письменного авторского «текста» [Там же]. Так авторский «текст» как «творец» «плюрализма» превращается в постоянный источник нестабильности, а значит – в «инструмент» управления социумом в «письменной» городской среде.

Чаще всего «плюрализм» направлен на «бунт» против сложившегося порядка – «традиционализма» как «культурного консерватизма», под «целенаправленным воздействием» авторского «текста», воспринимаемого в этнически, социально и экономически неоднородной городской среде как механизм «внутреннего и внешнего насилия над личностью» [3, с. 60], носителем которого, с точки зрения городского жителя, живущего «виртуальной реальностью», является культурная традиция. При кажущемся превосходстве

¹ Из оторванности от «первичной жизненной реальности» как «должного сущего» вытекает, например, создание генно-модифицированных организмов, кардинально изменяющих природную и жизненную среду человека.

² В ретроспективе – это юридические, политические, философские и художественные «тексты» (литература), сегодня – печатные и электронные СМИ, TV и т.д.

«плюрализма», «круто замешанного» на индивидуализме, над «коллективным мышлением» «деревенской» среды, городской социум легко дезинтегрируется, что влечет за собой латентную социальную нестабильность и основанную на ней периодическую смену ценностно-мировоззренческих ориентаций – прямой путь к смене вектора развития культуры и социальной структуры социума. Если основной причиной неустойчивости городской культуры как саморазвивающейся системы выступает «плюрализм», то закономерно, что в моменты «бифуркаций» исторически сложившиеся или устоявшиеся в культуре ценностные ориентации, являвшиеся мерилем нормы и отклонения в эпоху стабильности, утрачивают общественное признание. Именно последнее, по мнению Э. Дюркгейма, и приводит к «социальной аномии» в транзитивные исторические периоды. В эти периоды риск утраты культурно-исторической преемственности и культурно-цивилизационной идентичности в городской культуре резко повышается. На этом фоне культура «деревни» выступает как устойчивая система, остающаяся идентичной себе и устойчивой к социальному хаосу вне зависимости от транзитивных процессов, протекающих в городской среде.

На основании изложенного можно утверждать, что форма передачи информации в городской и «деревенской» среде и ее направленность на «коллективный» или «индивидуальный» «уровни» восприятия играют важнейшую роль для «самосохранения» или «саморазрушения» последних. Авторский «текст», обращенный к «индивидуальному» Я, в полисоциальной и полиэтнической среде города обеспечивает то, что принято называть «плюрализмом мнений», что, по сути, превращает его в «инструмент» управления социумом. Формируемое авторским «текстом» «общественное мнение» не только оказывает влияние на «тезаурус», способный в периоды радикальных социокультурных трансформаций оказывать разрушительное воздействие на хрупкий полисоциальный и поликультурный «баланс», но и порождает «новую логику социальных изменений» [7, с. 176], что требует разработки «социальных технологий» по их управлению.

Список литературы

1. **Артемьев Г. П.** Россия и Европа: социокультурная динамика на рубеже веков // Социальная реальность и социальные теории. СПб., 1998.
2. **Бранский В. П., Пожарский С. Д.** Глобализация и синергетический историзм. СПб., 2004. 400 с.
3. **Деникин А. В.** Консерватизм и либерализм в социально-философской мысли России XIX века: становление методологии. М., 2000. 192 с.
4. **Дюркгейм Э.** О разделении труда. М., 1991. 493 с.
5. **Переверзев Л.** Дизайн и фольклор // Декоративное искусство. 1973. № 4. С. 34-36.
6. **Родионова В. И.** Целеполагание в процессах технологизации современного общества // Исторические, политические и юридические науки, культурология и искусствоведения. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 176-179.
7. **Солонин Ю. Н., Аркан Ю. Л.** Новый российский консерватизм в поисках своей идентичности // Вече: альманах русской философии и культуры. 2003. № 15. С. 12-21.
8. **Сыров В. Н.** О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2. Спец. выпуск. С. 147-159.

AUTHOR'S "TEXT" AS "INSTRUMENT" OF SOCIUM MANAGEMENT IN URBAN ENVIRONMENT

Elena Leonidovna Antonova

Department of Culture Theory and History

Belgorod State Institute of Culture and Arts

E-pi-fan@yandex.ru

As the statement of the problem the author of the article considers author's text as the form of information transfer in "written" urban environment, pays particular attention to the understanding of folklore "historical role" and author's text orientation to the "individual" level of perception, and shows that being the mechanism for purposeful public opinion formation author's text appears as the "instrument" of socium management.

Key words and phrases: "written" urban environment; author's written text; individual level of perception; public opinion formation; socium management.